

УДК 316

*Кулебякин Е.В.
Kulebyakin E.V.*

Проблема менталитета и формирование личности

The problem of mentality and personality formation

В статье освещается вопрос сущности понятия менталитета и его генезиса. Основное внимание уделено раскрытию этнического менталитета и его связи с проблемой становления личности, прежде всего, в филогенезе, в связи с чем используется этнографический материал, в частности, о коренных народностях Дальнего Востока.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, личность, генезис, антропоморфизация, религия, сознание

The article considers the problem of the essence of the concept of mentality and its genesis. The focus is on disclosure of ethnic mentality and its connection with the problem of personality, first of all, phylogeny, and therefore uses ethnographic material, particularly of indigenous peoples of the Far East.

Key words: mentality, personality, genesis, anthromorphization, religion, consciousness

Среди важнейших категорий и понятий, раскрывающих структуру личности в единстве её психики, сознания и деятельности важное место занимает понятие менталитета (ментальности). Это понятие было введено в оборот во французской исторической школе «Анналь» (М. Блок, Л. Февр) и получило значительное распространение, в том числе, и в российской литературе [6; 7; 9; 11]. Большое внимание уделяется проблемам этнической ментальности, особенно русской [3; 13; 16; 17]. Вместе с тем, несмотря на популярность в научной и публицистической литературе само понятие менталитета пока не получило полные «права гражданства», о чём свидетельствует его отсутствие в солидных словарях энциклопедического типа последних лет по философии, социологии и психологии. В понимании менталитета существует значительный разброс толкований, что, вероятно, и является одной из причин игнорирования данного понятия многими исследователями, склонными заменять его другими более привычными терминами (национальный характер, психический склад, «дух народа», тип мышления и культуры, поведенческие установки и т.п.).

На наш взгляд, при всей сложности, «неуловимости» содержания менталитета и несомненной связи с отмеченными понятиями термин «менталитет» (ментальность) не только имеет право на существование в научной литературе, но и занимает существенное место в категориальном аппарате антропознания. Представляется, что ядро менталитета, как относительно устойчивого образования в природе человека как

личности, составляют специфические стереотипы мышления поведения, свойственные определённым социальным общностям. К последним следует отнести не только общности по национальным критериям (нация, народность), но также общности, выделяемые по критериям профессии, пола, возраста и т.д. В частности, известны определённые особенности поведения и мышления (выражающиеся и в речевом общении) у военных, у моряков, у живущих в ту или иную эпоху, в том или ином регионе, у горожан и жителей сельской местности, у старшего поколения и молодёжи.

В связи с этим выделяются разные типы менталитета. Так, в конкретных исследованиях наряду с национальным менталитетом выделяют тоталитарный, исторический (например, средневековый) и т.п. С позиций своего рода «информационного» подхода (с учётом психоаналитических установок З. Фрейда), один из современных исследователей С.Б. Переслегин выявляет 4 основных типа менталитета: варварский (наиболее древний тип ментальности), интелльский (с эпохи позднего феодализма и Возрождения), аристократический (эпоха образования «варварских королевств» и генезиса феодализма в Европе), буржуазный (с XVI – XVII вв. на основе реформации и протестантизма).

Важнейшее место в структуре менталитета занимает мировоззренческо-нравственные установки, способ восприятия (видения) и оценки окружающей действительности, специфические социокультурные, психологические, личностные черты и качества как внутреннего мира, так и поведения и деятельности, характерные тем или иным типам социальных общностей, прежде всего, этносам и нациям, а также социальным группам, различающимся по полу, возрасту, роду занятий, месту проживания и т.п.

Наряду с понятием менталитета отдельные авторы выделяют понятие ментальности. Так, по мнению А.А. Еромасовой, «менталитет – это имплицитные структуры психологического склада народа, живущего в конкретной культуре, генетически и социально укоренённые в сознании и сфере бессознательного многих поколений людей». Ментальность представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, культуры, цивилизации, религии. Ментальность – это способ видения мира, «неуловимый феномен этничности, определяющий особенности этнического самосознания, поведения и весь строй народа» [8, с. 24].

Понятие менталитета, таким образом, лежит на стыке философии, психологии, социологии, истории и необходимо входит в систему антропных категорий, отражая специфический уровень в природе человека как личности, объединяющий в нераздельном единстве особенности мышления и поведения, присущие личности каждого представителя отмеченных общностей.

Будучи антропным по своей сути, понятие менталитета (ментальности) имеет глубокие связи с рядом известных понятий в философии, психологии, социологии, с понятиями «я-концепции», «коллективных представлений» Э. Дюркгейма, «социального характера» Э. Фромма. Интересной представляется связь ментальности с понятием телесности в постмодернизме. Понятие телесности исходит из специфической трактовки языка и текста в постмодернизме. Так, по К. Барту, «текст – это особого рода тело. Реализованный в тексте тип телесности – это определённый тип организации и структурирования опыта (как индивидуального, так и коллективного)», «механизма» работы сознания, «материя»

мысли, первичная по отношению к самой мысли и задающая способ её развёртывания.

Проблема менталитета, в частности этнического, освещается обычно в связи с обсуждением более общей проблемы становления этноса.

Становление этноса и его менталитета (ментальности) представляет собой двуединый процесс, основные детерминанты которого определяют возникновение важнейших черт психического склада народа, его национального характера, «психологии его души». В работах современных исследователей подчёркивается, что этнос, как и его менталитет, формируются под определяющим воздействием двух основных факторов – социального в широком смысле (включая сюда все надприродные процессы – от хозяйственно-экономических до политики, культуры и духовности) [4] и природно-географического (начиная от особенностей климата, почвы, ландшафта, влияния рек и морей, гор и пустынь до солнечных и других космических процессов) [14]. Как известно, до недавнего времени в связи с господством в российской этнологии социального, преимущественно марксистского подхода приоритет в решении этнических проблем отдавался социально-экономической парадигме. Серьёзную брешь в этом догматизированном в советской этнологии подходе впервые пробил выдающийся отечественный географ, историк, философ (сын известных поэтов Серебряного века Н.С. Гумилёва и А.А. Ахматовой) Л.Н. Гумилёв, выдвинувший в 1979 году теорию пассионарности. В данной концепции возникновение этноса (в т.ч. и его культуры) объясняется энергетическими процессами («толчками») биосферы. Этногенез изначально связан с местообитанием, с ландшафтом. Акцент в детерминации этноса перенесён, таким образом, на природно-географические условия формирования народа [5].

Важнейшей составляющей этнического сознания является именно этнический менталитет, специфичные для каждого этноса образы и установки, формы поведения и отношения к миру, к природе, к человеку, к своему «этносу» и другим народам («мы» и «они»). Поскольку эти особенности в культуре этноса переходят из поколения в поколение, превращаются в достаточно устойчивые традиции, они становятся стабильными стереотипами мышления и поведения народа. Как и «я-концепция», этническое сознание включает разные формы самооценки: «реальное» – как этнос оценивает своё настоящее положение, «идеальное» – каким этнос должен быть, по мнению его представителей (что обычно рационально осмысливает и озвучивает его «образованное меньшинство» – интеллигенция).

Процесс становления этнического менталитета непрерывно связан с общим процессом становления человека, формированием его как личности.

Личность является динамичной относительно устойчивой целостной системой интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств, формирующихся в процессе социализации, и выражается в индивидуальных особенностях её сознания и деятельности. Личность, таким образом, это действительность индивида, реализующая себя в различных видах его поведения, деятельности и общения. По поведению, поступкам человека как личности можно судить о её духовных и нравственных качествах (как положительных, так и отрицательных). Природную основу человека как личности составляют его биологические особенности (тот или иной тип темперамента, пол, конституция и т.п.). Основное содержание личности составляют её социально-духовные качества – сознание и самосознание, социальные потребности и интересы, нравственные ценности. Ядро сознания личности – образ «Я», который как главная система отсчёта позволяет человеку как личности отделять

себя от других, производить самооценку, формировать определённые цели и программу поведения и деятельности. Нераздельное единство социально-духовного и природно-биологического в человеке как личности проявляется через деятельность и общение, в реализации тех или иных способностей, в чертах характера, в особенностях темперамента.

Процесс становления «Я», самосознания как ядра и сознания человека как личности имеет глубокие корни как в филогенезе, так и в онтогенезе. Об этом свидетельствуют исследования историков и этнографов о жизни культурно отсталых народов и племён, с одной стороны, и данные социальной, сравнительной и детской психологии, с другой. В основе развития сознания и самосознания лежит антропный образ, образ человека, формирующийся на основе коммуникативных отношений людей в процессе их общения и деятельности в ближайшей окружающей среде, в тех или иных сообществах, в роде, племени, семье, в современном обществе. Будучи исходным пунктом формирования человеческого сознания, антропный образ как единство основных потребностей и «впечатляющих» (прямо не связанных с основными потребностями) внешних свойств окружающих индивидов явился той главной призмой, через которую формирующаяся личность «просматривает» открывающийся перед ней мир. Последнее в эпоху первобытного общества, становления человека, его сознания и самосознания, неизбежно вело к антропоморфному отражению мира природы, наделению её объектов человеческими качествами. Это явилось одним из источников ранней религии. Об антропоморфизации мира в первобытном обществе наглядно свидетельствуют многочисленные исследования выдающихся русских этнографов В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга об образе жизни и мифологии культурно-отсталых народов, в частности, коренных народностей Дальнего Востока. Так, в одном из сказаний чукотских шаманов говорится: «Все вещи имеют жизнь. Лампа ходит. Стены дома имеют свой голос. Шкуры, лежащие в мешках на запас для торговли, разговаривают по ночам. Оленьи рога на могилах покойников ходят обозом вокруг могил, а утром становятся на прежние места» [2, с. 62].

Л.Я. Штернберг в своей теории развития религий выделяет три последовательных этапа в развитии анимизма: 1) всеобщее одушевление и антропоморфизирование природы; 2) открытие духов; 3) открытие душ. Как и известный исследователь первобытных народов Э. Тайлор, Л.Я. Штернберг психологической основой антропоморфизма, считал теорию аналогии: ««Я» дикаря – единственное существо, которое он лучше всего знает, поэтому от него, как от известного, он идёт ко всему неизвестному во всех затруднительных случаях. Это для него единственный путь, это его технический метод объяснения внешней природы» [15].

Гиляки (нивхи) устья Амура убеждали этнографа, что один из утёсов, торчащих в море недалеко от берега, приехал сюда из далека, что ранее он жил гораздо севернее, но после кровавой ссоры со своим братом убежал на устье Амура и здесь окончательно поселился. Брат же его до сих пор на старом месте. Для гиляков вся вселенная и её отдельные части являются живыми существами. Свой родной остров (Сахалин) гиляк считает живым существом, «голова» которого (Мыс Марии) и «подбородок» (Пытыкры) упираются в Охотское море, а «ноги» – два полуострова в корсаковском округе – упираются в пролив Лаперуза. Живыми существами считаются грозный толь (море), мрачные леса гористого острова, быстрые реки, деревья. Гиляки приписывают разумность и волю животным (медведь, касатка, лисица, соболь и др.). У нанайцев, сообщает Л.Я. Штернберг, построенный дом считается живым существом, крыша – его голова, десять вертикальных столбов, поддерживающих её – его

ноги, а два небольших окошка, расположенные близко к крыше, – его глаза. [15 с. 6, 70].

Существенной особенностью антропного образа в формирующемся сознании и самосознании является эмоционально-этическая дихотомизация субъектных отношений, порождаемая их противоречивой ролью в удовлетворении потребностей индивидов. В формировании антропоморфно-этического мировосприятия и первобытной религии важнейшее значение имел амбивалентный характер действия стихийных сил природы, таких как солнце, вода и т.д., способных в разное время «творить добро и зло» в жизнедеятельности первобытной общины.

Об антропоморфном понимании мира различных племён и культурно отсталых, в том числе, дальневосточных коренных народностей, свидетельствуют многочисленные исследования этнографов об анимистических и аниматических (очеловечивание, приписывание жизни и разума неодушевлённым объектам окружающего мира) представлениях. Характерным примером являются верования нанайца Дерсу Узала в разумность зверей и насекомых (кабанов, шершней, ос, рыб, нерп, тигра), а также в жизненность неодушевлённых объектов (огонь, солнце, кипящий чайник), сообщаемые известным исследователем Уссурийского края В.К. Арсеньевым [1, с. 119, 206].

Антропоморфные представления широко представлены в мифологии и фольклоре первобытных народов. Так, у дальневосточной народности айну существовал культ инау. Обычно инау – «это палочка, искусно заструженная в различных местах в виде кудряшек самых разнообразных размеров и форм». Палочка-инау представляет из себя грубо выраженную человеческую форму. Айны различают в инау голову, макушку, шею, волосы, руки, ноги и т.д. после каждой удачной охоты, после выздоровления и т.д. делается инау тому или иному божеству, в доме айну инау ставится «хозяйке» огня, «хозяину» дома, инау – у дверей, над нарами, снаружи инау (в виде шестов) – у горы, речки, в лесу и т.д. Домохозяин произносит пред инау ежедневные долгие молитвы. Представления об инау носят анимистический характер. Л.Я. Штернберг, выяснявший у одного из старейшин айну смысл культуры инау, получил следующий ответ. Инау являются посредниками между айну и богами («хозяевами»). Айну говорит инау, что ему, айну, нужно, а инау пойдёт и перескажет это хозяину... «Один к хозяину огня ходит, другой – к горному, ещё другой – к морскому хозяину ходит, а они все айну помогают.» «А как же палочка говорить может?» – спросил Л.Я. Штернберг и получил ответ: «Не палочка, а душа её ходит и пересказывает всё kamui (хозяину). Как же, ведь дерево тоже имеет душу!» [15, с. 52-54, 56-57].

Филогенетическое становление и развитие сознания и самосознания в общих чертах повторяется в онтогенезе, в формировании индивидуального сознания и самосознания, в становлении образа человека, осознания субъектом себя как личности. Об этом свидетельствуют исследования в детской психологии. Как отмечал выдающийся российский психолог Л.С. Выготский, формирование сознательных актов у ребёнка включает несколько стадий. На первой стадии мать, общаясь с ребёнком, называя и показывая те или иные вещи, направляет его внимание на них («возьми мячик», «где кукла?» и т.д.) и ребёнок производит соответствующие действия. На следующей стадии овладевающий речью ребёнок сам начинает давать себе речевые команды, сначала развёрнуто во внешней речи, а затем свёрнуто – во внутренней речи. Обобщая эти положения Л.С. Выготского, другой крупный российский психолог А.Р. Лурия подчёркивал, что смысл процесса формирования сознательного волевого акта в том, что «интерпсихологическое отношение превращается в интрапсихологический процесс саморегуляции» [10, с. 118-119].

Таким образом, антропоморфное понимание мира как специфический тип ментальности, как стереотип жизнедеятельности народов, не достигших стадии цивилизации, представляет собой важнейший этап в становлении общественного и индивидуального сознания в общем процессе формирования личности.

Литература

1. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. М., 1960.
2. Богораз В.Г. Религиозные идеи первобытного человека // Землеведение. Кн. 1. 1908.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
4. Вейт А.А. Российский менталитет как предмет философско-антропологического исследования. Пермь, 2006.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.
6. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ//Вопросы психологии. 1993. № 5.
7. Душков Б.А. Психология менталитета и неоменталитета. Екатеринбург, 2002.
8. Еромасова В.Е. Ментальность россиян в контексте этнокультурных особенностей. Спб., 2006.
9. Корнеева Т.С. Менталитет как социокультурный феномен: философский анализ. Омск, 2003.
10. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
11. Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. Спб., 1993.
12. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. М., 1924.
13. Озеров А.А. Смысл жизни как проблема российского менталитета. М., 2000.
14. Российский менталитет (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1.
15. Широкогоров. С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток, Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002.
16. Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилакского языка и фольклора. т. III. Образцы народной словесности. Ч. 1. Спб., 1908.
17. Шульдин Б.Н. Российский менталитет в сценариях перемен// Социологические исследования. 1999. № 12.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Po Ussurijskomu krayu. M., 1960.
2. Bogoraz V.G. Religioznye idei pervobytnogo cheloveka // Zemlevedenie. Kn. 1. 1908.
3. Bromlej YU.V. Etnos i ehtnografiya. M., 1973.
4. Vejt A.A. Rossijskij mentalitet kak predmet filosofsko-antropologicheskogo issledovaniya. Perm', 2006.
5. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. M., 2001.
6. Dubov I.G. Fenomen mentaliteta: psikhologicheskij analiz//Voprosy psikhologii. 1993. № 5.

7. Dushkov B.A. Psikhologiya mentaliteta i neomentaliteta. Ekaterinburg, 2002.
8. Eromasova V.E. Mental'nost' rossiyan v kontekste ehtnokul'turnykh osobennostej. Spb., 2006.
9. Korneeva T.S. Mentalitet kak sotsiokul'turnyj fenomen: filosofskij analiz. Omsk, 2003.
10. Luriya A.R. YAzyk i soznanie. M., 1979.
11. Markov B.V. Razum i serdtse: istoriya i teoriya mentaliteta. Spb., 1993.
12. Mechnikov L.I. TSivilizatsiya i velikie istoricheskie reki. Geograficheskaya teoriya razvitiya sovremennykh obshhestv. M., 1924.
13. Ozerov A.A. Smysl zhizni kak problema rossijskogo mentaliteta. M., 2000.
14. Rossijskij mentalitet (materialy kruglogo stola) // Voprosy filosofii. 1994. № 1.
15. SHirokogorov S.M. EHtnograficheskie issledovaniya. Knigavtoraya. EHtnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya ehtnicheskikh i ehtnograficheskikh yavlenij. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2002.
16. SHternberg L.YA. Materialy po izucheniyu gilyakskogo yazyka i fol'klora. t. III. Obraztsy narodnoj slovesnosti. CH. 1. Spb., 1908.
17. SHulyndin B.N. Rossijskij mentalitet v stsenariyakh peremen// Sotsiologicheskie issledovaniya. 1999. № 12.